«УТВЕРЖДАЮ»
Директор Института
русского языка им. В.В. Виноградова РАН
академик А.М. Молдован
«11» мая 2017 г.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН»

о диссертации **Туран Пынар**

«Обозначение человека по признаку «внимание/безразличие к собственной внешности» в русском языке», представленной на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Актуальность и важность темы «номинации человека в русском языке» не подлежат сомнению. Несмотря на большое число работ, посвященных различным аспектам означивания человека и его внешности в русском языке (укажем, например, на труды В.М. Богуславского: «Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека» (дис. ... доктора филологических наук (1995)), словарь «Оценка внешности человека» (2004); диссертационные исследования Яременко С.Н. (1997), Коротун О.В. (2002), Геляевой А.И. (2002), Литвиновой Т.А. (2011), Березовского К.С. (2014), статью Е.В. Урысон «Эстетическая оценка тела человека в русском языке» (2004)), эта тема вряд ли будет когда-либо исчерпана. Поскольку внешность человека является социально значимым кодом – средством личностной, групповой и национальной идентификации, данная тема включена в обширное поле научной проблематики различных дисциплин: лингвистики, культурологии, психолингвистики, социолингвистики, антропологии и др.

Объектом своего исследования Туран Пынар избирает один из аспектов данной проблематики: выражение в языке о т н о ш е н и я к человеческой внешности. Отметим при этом, что формулировка темы диссертации задаёт достаточно узкий круг изучаемых объектов – это номинации, обозначающие человека «по признаку «**внимание/безразличие к собственной** внешности (выделено нами – Е.К.)»».

Материал исследования, напротив, очерчен максимально широко и неопределенно: это «русский язык» вне каких-либо хронологических рамок и ограничений с точки зрения подсистем национального языка или сфер его функционирования: «К исследованию привлекались... произведения русских писателей и поэтов, современные публицистические тексты и интернет-источники: Национальный корпус русского языка, специализированные веб-сайты и блоги» (с. 8). Отметим, что при таком подходе к материалу крайне трудно решить поставленные в диссертации задачи, например, получить достоверные данные о семантике слова (подвижной исторически и социально, неодинаковой для различных сфер функционирования слова), оценить ту или иную единицу с точки зрения принадлежности к лексическому ядру языка.

Самые главные наши сомнения возникают по отношению к действенности принятой в работе методики недифференцированного использования широкого круга источников: текстов современных СМИ и самых разнообразных электронных ресурсов при фрагментарном обращении автора к художественным текстам разных периодов существования русского языка. Ведь использование слова в каком-либо тексте еще не делает его фактом русского языка, индивидуальное употребление слова следует отличать от общеязыкового, узуального его значения. Как же была решена одна из главных выдвинутых автором задач – определить состав лексико-семантической группы (ЛСГ), заданной в самом названии диссертации?

Диссертантом была сформирована ЛСГ, включающая внушительный список слов из 263 единиц. Стремление диссертанта к полноте охвата материала понятно. Однако такое достоинство работы легко превращается в ее недостаток. Мы видим в составе анализируемой ЛСГ большое количество малоупотребительных слов, неизвестных «простому» носителю языка: историзмы (*инкруаябль, мервейез, мушкетер, петиметр, пшют*), иноязычные заимствования – экзотизмы и варваризмы (*бобо, мукла, каве-гёрл, сникерхед, треш-дива, метросексуал, уберсексуал/ юберсексуал*); жаргонизмы и сленг (*чика, чикса, чикуля*; *джанглист, инди, гопотёлка, гяру, Лолита, лопушка, мод, моргальщица, нёрд, педовка*), разговорные слова (*ботанка, выпендрёжник, выпендрёжница, натуристка, нормкормщик, тряпичник, тряпочница*) и мн. др. Очевидно, что этому материалу, с избытком наполняющему работу, противоречат выводы автора:

«Исследование подтверждает нашу гипотезу о том, что наименования человека по признаку «внимание/безразличие к собственной внешности» **относятся к ключевым словам русского языка,** необходимым для понимания национальной культуры, так как они играют важную роль в этической, эмоциональной и нравственной сферах, отражают мировоззрение и **обыденные взгляды носителей языка**» (выделено нами – Е.К.) (с. 214). А ведь задачи определения состава лексико-семантической группы и выявления семантических отношений между ее единицами входят в число основных задач, поставленных в работе (с. 7). Кроме того – и это важно, – значения многих слов, включенных автором диссертации в качестве объекта исследования (см. только что приведенные примеры), не содержат компонента «внимание/безразличие к собственной внешности» (см. название диссертации) – для подтверждения этого достаточно обратиться к толковым словарям или (в случае, если слово еще не попало в словари) попытаться самому истолковать его значение.

В течение длительного периода существования в языке (а именно на это ориентирует свой анализ диссертант) слово нередко претерпевает значительные семантические трансформации, меняет стилистическую окраску и прикрепленность к т. и. сфере его функционирования. Показательна в этом смысле история диалектного по происхождению слова *цаца* (игрушка, украшение), которое приходит в литературный русский язык в 30-е годы XIX в. через посредство произведений модного в то время писателя Н. В. Кукольника и укрепляется затем в новом, экспрессивно-оценочном значении. Оно используется в современном русском языке для обозначения того, кто слишком важничает, предъявляет слишком много претензий (о мужчине или женщине) (См. В. В. Виноградов. История слов). Данное разговорное слово рассмотрено в диссертации на с.118 (по непонятным причинам, оно отнесено автором в подгруппу народно-разговорных слов), а также обсуждается в разделе «Номинации человека по признаку «внимание к собственной внешности из-за желания выделиться»» (сс. 71–79).

Фактически основное внимание автора направлено все-таки на современный материал, поскольку одна из задач сформулирована следующим образом: «Выявить особенности функционирования данных слов в современных СМИ и художественных текстах» (с.8). При этом выбор того или иного текста ничем не обосновывается, часто используются «случайные» тексты, а отдельные интересные сами по себе, но не всегда

уместные в данной работе исторические экскурсы в историю существования слова в языке не снабжаются полноценными комментариями (см., например, сс. 135–137, 156, 161, 163–165). «На равных», без учета их значимости присутствуют в работе массовые новостные сайты СМИ и небольшие спортивные, развлекательные, музыкальные, молодежные и др. порталы (с. 169–170). При подобном подходе, в связи с необходимостью пропорционально и равномерно учитывать столь разнофактурный и подвижный материал различных синхронных срезов языка и различных корпусов текстов, неизбежны либо фрагментарность, либо поверхностность исследования, либо и то и другое вместе.

Так, например, вслед за другим автором, Туран Пынар отмечает, «что в 2002 году слово *стиляга* стало историзмом, таким же, как в свое время *петиметр,* а сегодня слово вернулось в «языковую моду» (с.82). Однако этому противоречат примеры употребления слова *стиляга*, приводимые самим автором на с. 147 из текстов 80-х годов и других лет. Относить слово к устаревшим словам (с.5) или говорить о том, что слово стало историзмом было бы большой натяжкой. Далее Туран Пынар делает преждевременный, на наш взгляд, вывод об актуализации слова (не уточняя: в какое время? в каких текстах?) на основе приведенного в работе графика частот из НКРЯ. При этом диссертанта не смущает то, что на графике частота употреблений слова в 60-е годы XX в. меньше частоты употребления в 80-е и существенно меньше значений частот после 2008 года (с. 148). Свидетельствует ли это о большей его актуальности и употребительности в современных дискурсах по сравнению с узусом 60–70 годов? Крайне маловероятно, поскольку оно являлось ключевым словом узуса эпохи 60-70-х гг. Отмечая всплеск употреблений слова после выхода фильма "Стиляги" в 2008 году, автор склонен преувеличивать актуальность слова в современном языке. Даже если учесть активизацию его употребления после выхода сериала В. Тодоровского «Оттепель» в 2013 году (что, к сожалению, осталось без внимания исследователя), невозможно не заметить тематической прикрепленности слова к определенным контекстам (см. материалы НКРЯ). Что же касается некоторой незначительной активизации употребления слова в других тематических областях: в названиях магазинов одежды, кафе и нек. др., – слово продолжает сохранять ретро-оттенок, быть знаком другой эпохи, несколько преждевременно говорить об утрате им, по выражению автора, прежних «социально-культурных коннотаций» и об образовании новых сложных слов на основе единичного примера «*гурман-стиляга*» (с.82). Сдерживающим является и фактор стилистический: слова с суффиксом -яг(а), называющие лицо по характерному признаку, обладая яркой оценочностью (обычно отрицательной или ироничной), употребляются преимущественно в разговорной речи и жаргонах. К сожалению, подобные примеры не единичны: чуть более глубокий предпринятый нами анализ раскрывает более сложную картину, чем та, которую предлагает нам автор, что часто не позволяет нам согласиться с его выводами.

Лексикографические источники диссертационной работы названы столь же широко и неконкретно: «Отбор лексических единиц осуществлялся на основе их сплошной выборки из толковых и специальных словарей и справочников», «материалом для исследования послужили толковые, этимологические, и фразеологические словари русского языка, а также энциклопедические источники, включающие информацию о современных субкультурах» (с. 8). Автор «на равных» обращается к академическим и сетевым анонимным словарям различного типа, никак не верифицируя их научную достоверность, не дифференцируя их и не обосновывая свой выбор. При этом в список словарей, которые использует автор, входят как лингвистические (в том числе толковые словари русского языка – академические, словари электронных ресурсов без авторства, словари арго и сленга), так и энциклопедические словари разного профиля, в том числе лингвострановедческие словари – всего 71 словарь. Нельзя не удивиться столь масштабной работе, проделанной диссертантом.

Однако, по нашему мнению, выбранная автором позиция достаточно уязвима: «**При толковании слов использовались энциклопедии,** толковые, этимологические словари русского языка. В ряде случаев мы обращались к **некоторым статьям, книгам и интернет-сайтам**. Были **выбраны те толкования, которые включают интересующий нас семантический признак**. Описание значения может быть интегрировано из нескольких словарей (выделено нами – Е.К.)» (с.55). Является ли такой подход достоинством или это серьёзный просчет данной работы, при котором объективный научный анализ подменяется предвзятым взглядом исследователя?

Во-первых, автор смело нарушает общепринятое разделение словарей на лингвистические и энциклопедические, широко включает энциклопедическую информацию в толкование слов. Если неразличение характера и типов информации, представленной в лингвистических и энциклопедических словарях, делается автором диссертации осознанно, то такой подход должен быть тщательно обоснован. Ср.: «Совмещение в одной словарной статье лингвистического словаря собственно языковой и энциклопедической информации противоречит традиционной дифференциации всей словарно-справочной литературы на лингвистическую и энциклопедическую», необходимо различать «сведения о слове и сведения о называемой словом вещи» (Л.П. Крысин. Сведения энциклопедического характера в лингвистических словарях// Статьи о русском языке и русских языковедах. М., 2015, с. 330).

Во-вторых, можно видеть, что автор использует толкования из большого числа словарей и энциклопедий (их список дан на с. 53–55), но непонятно при этом, почему почти для каждого слова одной и той же тематической группы приводятся толкования из разных словарей (см., например, с. 91). Это выглядит случайным или, как мы полагаем, определяется стремлением автора найти то толкование, которое «помогает» искусственно, не принимая во внимание традицию и факты описания слова в других, академических лингвистических словарях, обосновать авторскую точку зрения, которая, несмотря на использование энциклопедий в ущерб другим источникам не перестает выглядеть субъективной и сомнительной. Ср., например, толкование слова *сноб*, взятое из интернет-источника «Викисловарь. Свободная энциклопедия», принятое в работе:

Сноб [англ. *snob* болван]. Человек, поведение и вкусы которого определяются **стремлением не отстать от моды** и постоянно придерживаться манер аристократического круга, «высшего света» (с.77).

Обратившись к данным академических словарей, мы увидим зафиксированный в них постепенный «уход» семантического компонента, связанного со следованием моде:

СНОБ, -а, *м.* **1. В буржуазно-дворянском обществе**: человек, тщательно соблюдающий все требования моды и правил "высшего общества" и с пренебрежением относящийся ко всему другому. **2**. Человек, претендующий на изысканно-утонченный вкус, манеры, особый, исключительный круг занятий и интересов (Малый академический словарь)[1];

СНОБ, -а, *м.* (книжн.). Человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов (Толковый словарь Ожегова, Шведовой)[2];

СНОБ [англ. snob] – 1) человек, который старается строго следовать аристократическим манерам, вкусам; 2) человек, претендующий на изысканно-утонченный вкус, особую интеллектуальность и т. п. (Новый словарь иностранных слов)[3];

---

[1] Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984 (МАС).

[2] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999 (ТСОШ).

СНОБ, -а, *м.* (книжн. неодобр.). Человек, считающий себя носителем высшего интеллекта и изысканных вкусов [**первонач.** человек, стремящийся следовать нравам, обычаям, моде высшего света] (Русский семантический словарь)[4].

Между тем, принятие толкования из Викисловаря, содержащего компонент «стремление не отстать от моды» в качестве единственного и основного, позволяет автору включить данное слово в группу «Номинации человека по признаку «внимание к собственной внешности из-за желания выделиться»» (содержащую, по мнению автора, общий компонент «показной, нарочитый, демонстративный»), состоящую из 53 слов: *вертопрах, выпендрёжник, выпендрёжница, гламурщик, гоголь, инкруаябль, козырь, кокетка, краля, кралечка, красавчик, кукла, лев, львица, мачо, мачист, мервейез, моргальщица, мушкетёр, нарцис, павлин, пафосник, пафоска, пижон, пижонка, позёр, позёрка, профурсетка, пшют, сноб, туз, фат, ферт, фефёла, фифа, фифочка,.. хиппи,.. цаца, цыпочка, чика, чикса, вешалка для тряпок* и др. (с.75–77). Эта группа, собранная автором на основе толкований из разных словарей и энциклопедий, на наш взгляд, как и некоторые другие выделенные в работе лексико-семантические группы, представляет собой фантом, поскольку многие слова данной ЛСГ не имеют общего семантического компонента или же часть слов содержит иной общий компонент. Достаточно обратиться к толкованиям слов *кукла, мачо, профурсетка, кокетка, краля, фефёля, цаца* и мн. др. в лингвистических словарях. Приведем лишь несколько примеров:

КУ́КЛА.
Бездушное, безжизненное существо (преим. женщина; разг. неод.) (Толковый словарь Ушакова)[5];
Девушка, женщина. *Кукла размалеванная* (сильно накрашенная) (Словарь русского арго. В. С. Елистратова);
Разг. О бездушном и пустом человеке (чаще женщине) (Малый академический словарь);
Одета как к. (очень нарядно; разг.) (Словарь Ожегова, Шведовой).

ЦА́ЦА.
О том, кто слишком важничает, кто требует к себе слишком много внимания (прост. фам. пренебр.). *Что ты за цаца такая?* (Толковый словарь Ушакова).

Совершенно непонятно, какое отношение имеют эти и многие другие слова (*выпендрёжник, кокетка, красавчик* (при пропущенном соответствии *красавица*), *фефёла* и другие слова, синонимичные им, к теме диссертации, к обозначению человека по признаку внимания или невнимания к собственной внешности, если они выражают отношение говорящего не к себе, а к какому-л. другому лицу, оценку его поведения или его внешности. Именно об этом свидетельствуют толкования слов, приведенные в работе:

Кокетка. [фр. *coquette*]. Женщина, стремящаяся своим поведением, манерами, нарядом понравиться мужчинам, вызвать к себе интерес. / Разг. О мужчине, который таким образом стремится произвести эффект (Большой толковый словарь русского языка)[6];

---

[3] Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И.В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2008 (НСИС).

[4] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/ под общей речи Н.Ю. Шведевой. – М.: Азбуковник, 1998 (РСС).

[5] Толковый словарь русского языка. В 4 томах. / под ред. Д.И. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996 (ТСУ).

[6] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПБ., 2000 (БТСРЯ).

Кукла[2] [лат. *cuculla*]. Щеголеватая, расточительная на наряды, пустая, безтолковая, легкомысленная женщина (Большой толково-фразеологический словарь Михельсона);

Отметим, что нередко недоумение рецензента связано с тем, что диссертант выбирает значение, формально подходящее под тему работы, но неверное по сути или неактуальное для современного узуса:

Красавчик. *Франт, щёголь* (Толковый словарь Ушакова).

Подчеркнём еще раз: внимание или невнимание к собственной внешности может выражать только сам человек, а не говорящий и не внешний наблюдатель, воспринимающий и оценивающий человека.

Группа «Изменение или совершенствование своего телосложения» (в составе которой объединены слова *анорексик, бодибилдер, девушка-Барби, трансвестит* и др.) также вызывает много вопросов. Автор отмечает, что «прямое значение таких слов, как *бодибилдер, бодибилдерша, качок, культурист, культуристка, фитнесист* и *фитнесистка*, связано с занятием спортом – поднятием тяжестей с целью увеличения объема или качества мышц. Это отражает и внутренняя форма данных слов». Однако далее диссертант утверждает, что «все эти слова развили переносное значение «человек крепкого телосложения»» (с. 56), что, на наш взгляд, справедливо только для слова *качок*. Но в таком случае это слово следует исключить из данной группы? Или добавить компоненты толкования, связанные с внутренней формой слова? По другим основаниям предлагаю исключить из данной группы слова *мукла, транс, трансвестит, шварцнегер.*

Трудно согласиться с предложенным автором толкованием: «***Анорексик*** [англ. *anorexia*]. Человек, который использует минимум питания ради худого тела. Для таких людей худоба основная цель, чтобы выразить свою индивидуальность через тело (Толкование наше – Т.П.)» (с. 58).

Использование медицинского термина в переносном значении – для характеристики очень худого человека – автоматически исключает слово из данной группы (оно становится обозначением излишней худобы, ср. его синонимы: *глиста (в скафандре), кожа да кости, мумия, скелет, мозгляк, мощи, одни кости, ходячие мощи, худышка, щепка*), а в терминологически близком значении слово обозначает человека, находящегося в критическом, опасном для жизни, паталогическом состоянии (отсутствие аппетита, полная невозможность принимать пищу), что является результатом неоправданного навязчивого стремления к снижению веса.

Столь же сомнительной выглядит и ЛСГ «Привлечение внимания к своему телу»: *кавэ-гёл, модель, топ-модель, секс-бомба, секс-звезда, стриптизёр, стриптизёрка, фитнес-модель, фитоняшка, фотомодель* (с. 60). Слово *секс-бомба* обозначает высокую степень сексуальной привлекательности, и это необязательно связано с привлечением внимания к телу, скорее это внутреннее качество или характеристика поведения. *Модель* привлекает внимание к демонстрируемой одежде, и это ее основное занятие, что, безусловно, не исключает ее внешней привлекательности. Но все-таки нельзя говорить о том, что в этих словах обозначение человека происходит по признаку «привлечения внимания к своему телу». Следуя логике автора, необходимо было бы пополнить данную группу словами *ночная бабочка, путана, колгёрл* и мн. др.

Группа слов «номинации человека по признаку «обозначение особенностями внешнего вида принадлежности субкультуре»» содержит такие единицы, как *альтернативщик, байкер, бритоголовый, волосатик, гот, гранжёр, гяру, джанглист* и др. (с.82 и сл.).

Байкер *[англ. biker < bike мотоцикл]. Представитель городской молодежи, возведший в культ лихую езду на мотоциклах* (КСИС, с. 47). *Байкеры отличаются особой экипировкой (кожаные куртки, ремни, головные повязки, темные очки и т.п.).* (с. 82).

На наш взгляд, здесь можно добавить важную информацию о том, что байкеры обычно используют тяжелые шоссейные мотоциклы, а не какие-то иные.

С одной стороны, возникает общий вопрос, насколько обязательными для слов данной группы являются именно такие, названные автором, внешние признаки (см. слова *альтернативщик, ванильные, гранжёр, инди* и др., с.82–83) и, далее, входят ли названные в толковании смысловые компоненты в значения данных слов? Автор приводит определения, включающие разнообразную информацию энциклопедического характера, помещая ее в словарную статью «по умолчанию», без лингвистического обоснования. Возможно, он тем самым ставит вопрос о необходимости лексикографической фиксации такой информации, но на вопрос, в каком словаре она будет уместна, автор не отвечает.

С другой стороны, выражение профессиональной принадлежности человека в стиле одежды общеизвестна. В первую очередь это относится к профессиям, связанным с ношением формы (лётчик, военный, полицейский, официант и др.), на что обращает внимание в своей диссертации В.М. Богуславский (1995). Почти в каждой профессиональной среде есть свой традиционный дресс-код (строгий костюм чиновника или работника банка), но в какой мере эта информация должна быть отражена в толковании и входит ли она в значение слова? Более того, принадлежит ли эта лексика к словам, выражающим внимание или невнимание человека к собственной внешности?

Несомненно то, что автором была проделана огромная работа, как несомненно и то, что она была проведена без необходимого теоретического фундамента. При отборе лексики и в процессе ее анализа автор не опирается на какую-либо лингвистическую концепцию, хотя и ставит масштабную задачу «обобщить современные научные подходы к понятию «внешность человека», определить научную парадигму, позволяющую провести комплексное исследование лексики, связанной с оценкой человеком собственной внешности» (с.7). К сожалению, автор не использует идеи и соответствующий терминологический аппарат лексической семантики и когнитивистики, несмотря на то, что работы основоположников этих направлений указаны в качестве теоретической и методологической основы исследования (с. 8). Показательно, например, что термин «концепт» 28 раз встречается в диссертации, но он появляется только в цитатах, ссылках на другие работы и в списке литературы, но не используется самим автором при анализе собственного материала. Диссертант не проводит различий между лексическим значением (единицей языка) и концептом (единицей смысла), не определяет иерархию отдельных компонентов значения и в результате не имеет четких критериев, позволяющих интерпретировать семантику анализируемых лексем.

Утверждение автора: «Оценочная коннотация является **компонентом значения слова, связанным с чувствами, устанавливающими ценность** (выделено нами – Е.К.)» (с. 50), расходится с принятым в лексической семантике взглядом на данное явление; а само определение коннотации автор черпает не из известных лингвистических работ (Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, Л.Н. Иорданской и др.), а из доступного в Интернете «Словаря лингвистических терминов» Т.В. Жеребило, ср.: «Коннотация оценочная – Компонент значения слова, устанавливающий ценность, связанный с чувствами» (http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1625/коннотация_оценочная).

Справедливости ради стоит отметить, что многие вопросы семантического и лексикографического описания лексики принадлежат к числу дискуссионных, но без их предварительного решения или хотя бы квалифицированного обсуждения невозможно осуществить задачи научного описания лексики, поставленные в данной диссертационной работе.

Так, например, слова *ботаник, воображала, пафосник, позер, секс-бомба, курица, кикимора, мымра, бритоголовый, репер, альтернативщик* и мн. др., по нашему мнению, неправомерно относятся к числу слов, обозначающих человека по признаку «внимание/

безразличие к собственной внешности». Эти слова называют человека по другим характерным признакам (обычно фиксируя отклонение от нормы): особенностям поведения, сексуальной привлекательности, принадлежности к определенной социальной группе, особенностям внешности или содержат его общую оценку.

Входит ли в значение слова *ботаник* определенное стереотипизированное представление о его внешности, закреплено ли оно за этой лексемой? Исходя из просмотренных нами современных контекстов употребления слова в языке художественной литературы и в разговорной речи, у нас такой уверенности нет. Может быть, слово *ботаник* содержит потенциальную сему или коннотацию, связанную с «непрезентабельностью» внешности, «невнимания» к ней. В том виде, как выражена по этому поводу позиция автора диссертации, она выглядит бездоказательной.

Строго говоря, и центральные единицы выделяемой ЛСГ *денди, щеголь* и др. не являются обозначением человека по признаку «внимание/ безразличие к собственной внешности», т.к. они передают взгляд говорящего на чью-либо внешность и поведение и их оценку. Мы не можем сказать о себе: **Я денди.* * *Я щеголь.*

Вероятно, расширение темы работы и принятия ее в формулировке «обозначение внешности человека в современном русском языке», привело бы в соответствие декларированные автором задачи исследования и проанализированный им языковой материал.

Мы вынуждены отметить также примеры нарушения логичности изложения, терминологическую и стилистическую некорректность, встречающуюся в работе. «**Термин** [слово *мачо*] активно употребляется во всем мире, самым ярким примером *мачо* считается Антонио Бандерас» (с. 72); «Наиболее выразительно слова определенных лексико-семантических групп проявляются в газетных заголовках. **Термин *газетные заголовки* является достаточно условным, как и газетный стиль**: речь идет о разных средствах масс медиа» (с. 167); «Исследование функционирования данных слов в художественных текстах и в современных СМИ позволяет сделать вывод об их **эстетической** и **идеологической** значимости. Часть **традиционных номинаций** являются общими для обоих типов текстов» (с. 215); «Несомненно, **из этого термина возник *стиль мачо* в имидже**» (с.74) (выделено нами – Е.К.) и др.

ВЫВОДЫ.

Нельзя не отметить, что диссертант собрал много полезных сведений (интересных как для носителей языка, так и для иностранцев, изучающих русский язык), которые могут быть использованы в лексикографическом описании русской лексики.

Подводя итог сказанному выше, повторим, что нам трудно согласиться как с принципами отбора языкового материала для исследования, так и с его трактовкой, предложенной автором.

Несмотря на высказанные нами принципиальные возражения, осуществленная в работе авторская тематическая классификация лексики может быть полезной при составлении лингвострановедческих и др. энциклопедических словарей, при обучении иностранных учащихся русскому языку.

Диссертация Туран Пынар на тему «Обозначение человека по признаку «внимание/безразличие к собственной внешности» в русском языке», представленная к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, является научно-квалификационной работой, которая в целом соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а её автор Туран Пынар достоин присуждения ей искомой степени по специальности 10.02.01 – Русский язык.

Настоящий отзыв составлен старшим научным сотрудником Отдела современного русского языка, кандидатом филологических наук Какориной Еленой Валентиновной (специальность 10.02.01 – Русский язык), обсуждён и одобрен на заседании Отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, протокол заседания № 3 от 11 мая 2017 года.

Зав. отделом
современного русского языка,
доктор филологических наук, профессор Л.П. Крысин

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Телефон: (+7 495) 695-26-60
Факс: (+7 495) 695-26-03
ruslang@ruslang.ru
http://www.ruslang.ru

Подпись руки Крысина Л.П. удостоверяю
референт Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
"11" 05 2017 г.
Шарапова Е.В.